

НАРРАТИВНОЕ ИНТЕРВЬЮ В БИОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

В. Ф. Журавлев

(Москва)

В статье рассматривается концепция нарративного (повествовательного) интервью, развиваемая немецким социологом Ф. Шюце применительно к биографическим исследованиям. Анализируются теоретические и методологические предпосылки данного метода. Описаны условия успешности нарративного биографического интервью и стратегия его проведения. В общем виде представлена схема содержательного анализа текстов нарративных интервью.

Ключевые слова: повествование, нарративное биографическое интервью, биографическое исследование, нарративные правила (цугванги), нарративная компетентность, структура жизненного опыта, анализ содержания.

Общая характеристика метода

"Повествование историй занимает важное место в нашей повседневной жизни" – такими словами известный голландский лингвист Т. ван Дейк начинает одну из глав своей книги, посвященной теории повествования [1, с.190]. В рамках этой теории формулируются структурные категории, правила построения историй, стратегии, к которым в различных социальных контекстах прибегают люди, излагая те или иные события.

Однако рассказываемые людьми истории могут представлять интерес не только для теории повествования, но и давать обширный и интересный материал для социологического анализа.

Ф.Шюце, чья методология нарративного (повествовательного) интервью получила в немецкой качественной традиции большую популярность, попытался использовать до последнего времени фактически не находившую применения в социологии способность людей выступать в роли рассказчиков. Ф.Шюце считает, что рассказы (истории) – обычное и широко распространенное в повседневной жизни средство сообщения другим людям того, что касается нас самих или нами пережито, т.е. мы прибегаем к ним как к средству для передачи информации. Поэтому можно говорить о рассказах как "элементарном институте человеческой коммуникации", как о повседневной, привычной форме коммуникации [2, с.91].

На теоретические и методологические основания концепции (а это именно концепция, а не просто стратегия интервьюирования) нарративного интервью оказали влияние феноменологическая социология (А.Шюц), символический интеракционизм (Г.Мид, Г.Блумер) и этнометодология. В практическом отношении нарративное интервью воплотило разработки Чикагской школы с ее специфической исследовательской практикой (труды Р.Парка, Э.Берджеса, У.Томаса, Ф.Знанецкого, Б.Глезера и А.Штрауса, Г.Бекера и др.) [2].

Хотя наибольшую известность техника нарративного интервью приобрела как метод биографических исследований, первоначально она разрабатывалась Ф.Шюце в рамках социологического проекта Билефельдского университета (начиная с 1975 г.) для анализа положения дел и взаимодействия между властными структурами после объединения муниципальных округов. Для получения нужной информации он обращался к муниципальным политикам с просьбой рассказать о степени их включенности в события, связанные с подобным объединением. Из этих рассказов удавалось узнать о возникающих в ходе реорганизации сложностях больше, нежели при использовании целенаправленных вопросов [3]. Подвергая перекрестному сравнению материалы нарративных интервью, проведенных с различными политиками, Ф.Шюце обнаружил, что такая процедура помогает

сравнивать выводы самих социологов, полученные на основе содержащихся в текстах формальных индикаторов (например о появляющейся в суждениях неуверенности, об уходе от детального рассмотрения тех или иных тем), с выводами, основанными на эксплицированных суждениях других информаторов.

С начала 1980-х гг. в Германии техника нарративного интервью стала активно использоваться в биографических исследованиях. Они проводились среди таких групп населения, как безработные, бездомные, пациенты психиатрических клиник, представители различных профессиональных сообществ, участники Второй мировой войны и т.д. (см., например, [4, 5]).

Одной из важных теоретических предпосылок нарративного интервью является обладание каждым человеком в повседневной жизни интуитивной компетентностью относительно правил построения рассказа (неважно, касается он какого-то конкретного случая или целой жизни). Такого рода компетентность служит рассказчику гарантом, что его повествования будут приемлемы в соответствующем социальном контексте и понятны потенциальному слушателю. Одна из главных задач нарративной методологии - прояснение элементов этой компетентности.

Другая важная предпосылка заключается в том, что рассказчик воспроизводит историю о событиях своей жизни так, как эти события были им пережиты, т.е. жизненный опыт репродуцируется исходя из той релевантности, какую он имеет для самого повествующего. Следовательно, можно говорить о гомологии формы рассказа структуре жизненного опыта [6]. Необходимо подчеркнуть, что речь идет именно о гомологии со структурой жизненного опыта, а не с "действительными событиями", описываемыми в рассказе. Но говорить о такой гомологии и соответственно об успехе нарративного интервью, как полагает Ф.Шюце, можно лишь в случае, если, во-первых, рассказчик повествует о событиях из своей (а не чужой) жизни; во-вторых, если он лишен возможности предварительно спланировать и подготовить свое повествование, т.е. если речь идет о рассказе-экспромте (Stegreiferzahlung). Начиная рассказывать о своем жизненном пути, человек подчиняется

динамике процесса повествования и в меньшей степени ориентирован на возможности самопрезентации, обусловленные актуальной ситуацией интервью.

Поскольку постулируется соответствие структуры жизненного опыта и структуры рассказа, принципиальное значение придается тому, как он строится и каковы имплицитные принципы и правила, позволяющие рассказчику делать его связным и понятным для слушателя. Правила, выделенные В.Кальмейером и Ф.Шюце [7], являются подгруппой структурных элементов коммуникации, известных в литературе как "идеализации" (А.Шюц), "постулаты" или "максимы" речевого общения (А.Грайс, Б.Лакофф), "базисные правила" (Г.Гарфинкель, А.Сикурел), и относятся в первую очередь к процессу повествования. Эти имплицитные правила или требования (имплицитные в том смысле, что рассказчик может не отдавать себе отчет, что он действует в соответствии с ними) Ф.Шюце называет цугцвангами (*Zugzwänge*)¹ и делает акцент на трех из них [8, с. 571-573].

Целостность и законченность (Gestaltschließung). Рассказчик чувствует необходимость заканчивать начатое повествование отдельных сюжетов и эпизодов своей жизни (доводить их до завершения) и делать понятной их взаимосвязь для слушателя. Поэтому все важные и существенные для жизненного опыта рассказчика события излагаются в их целостной взаимосвязи, а каждый конкретный эпизод получает законченный вид.

Сгущение (Kondensierungszwang). Поскольку рассказчик понимает, что в его распоряжении ограниченное количество времени, он вынужден останавливаться только на тех обстоятельствах и событиях своей жизни, которые он считает наиболее значимыми и имеющими решающее значение. Необходимость селекции информации таким образом проявляется в тенденции со стороны повествующего сообщать слушателю наиболее релевантную для своего жизненного опыта информацию о событиях, связях и последствиях этих событий, другими словами информацию, отвечающую критерию существенности.

Детализация (Detailierungszwang). Необходимость детализации является частным аспектом требования целостности и законченности. Вводя новую тему или говоря о каком-либо частном событии (персоне, явлении, связи между событиями и т. д.), рассказчик чувствует необходимость уточнить и прояснить конкретные обстоятельства (временные, пространственные, каузальные), сопутствующие данному событию. Поэтому события, о которых говорится, излагаются в исторической последовательности и взаимообусловленности друг с другом и с жизненным опытом рассказчика.

Подчеркивание элемента обязательности в употребляемых терминах "цугцванг" и "требование" не должно вводить в заблуждение. Речь не идет о каком-то внешнем принуждении для респондента действовать в соответствии с некими предписаниями. Действенность нарративных правил (цугцвангов) проистекает скорее из самой логики нарративного жанра, т. е. из ориентации рассказчика на понимание со стороны слушателя. Следование этим имплицитным правилам является тенденцией, а не директивой, о чем свидетельствует обилие отступлений, пропусков, разрывов и неясностей в рассказах.

Хотя форма рассказов, конституированная нарративными правилами, зависит от конкретной ситуации, внутри которой происходит повествование, по мнению Ф. Шюце, контекстуальные моменты вносят лишь поверхностные изменения в структуру излагаемых событий. Внутренний порядок рассказа-экспромта является относительно автономным, т. е. его структура не сводима к обстоятельствам, в которых он продуцируется [6, с. 79]. Из этого соображения, а также из упомянутой выше гомологии следует, что именно форма рассказа гарантирует аутентичность воспроизведения жизненного опыта субъекта. Тем самым, как замечает в этой связи Х. Буде [3, с. 331], рассказ получает по сравнению с другими вербальными формами воспроизведения субъективного опыта привилегированный статус.

Для этапа сбора данных в нарративном интервью главной задачей является "превращение" интервьюируемого в рассказчика. Для этого разработана специальная стратегия.

Стратегия проведения биографического нарративного интервью

Биографическое нарративное интервью состоит из трех этапов.

1-й этап: начало интервью и основной рассказ. Исследователь кратко формулирует просьбу или общий вопрос ("нарративный импульс"), цель которого – стимулировать респондента к биографическому повествованию. Нет никаких универсальных рецептов относительно того, каким должен быть этот "импульс". Единственное ограничивающее условие – просьба или вопрос не должны затрагивать частных или неприятных для респондента тем. Х.Херманс приводит следующий пример "нарративного импульса": "Я хотел бы попросить Вас рассказать историю Вашей жизни. Лучше всего, если Вы начнете с момента Вашего рождения, с того времени, когда Вы были ребенком, и расскажете затем обо всем, что с Вами происходило вплоть до настоящего времени. Вы можете говорить даже о деталях, так как меня интересует все, что важно для Вас самого" [9, с. 183].

После того, как респондент "ввязался" в рассказ, функция интервьюера сводится к роли слушателя и стимулированию продолжения повествования кивками головы и обычными для заинтересованного слушателя репликами: "Хм-хм", "Что было дальше?" и т.д. Пассивная роль интервьюера позволяет рассказчику в наибольшей степени сконцентрироваться на своем жизненном опыте. В случае, если респондент заканчивает повествование, говоря: "Вот это, пожалуй, все...", или другим подобным способом дает понять, что он закончил, интервьюер должен попытаться задать новый вопрос или сформулировать новую просьбу. Последние не должны ставить респондента перед необходимостью аргументации и оценки описанных событий. Их цель – стимулировать рассказ о периодах жизни, которые либо были недостаточно освещены, либо вообще остались не затронутыми.

Кроме этого на первом этапе интервьюеру следует внимательно следить за ходом повествования и запоминать: последовательность событий, имена вводимых персонажей, временные, факти-

ческие и логические несоответствия, пропуски и обрывы в повествовании – с тем, чтобы использовать эти моменты во второй фазе интервью.

2-й этап: "фаза нарративных расспросов". Респонденту задаются вопросы о событиях, упомянутых им ранее в своем повествовании. Опять речь не идет об оценках и аргументации. Интервьюер касается прерванных линий рассказа, малопонятных для него мест и предлагает интервьюируемому дополнить или прояснить их.

3-й этап: заключительная часть. Респондент получает слово как "теоретик", развивая аргументацию, давая оценки и объяснения по поводу событий своей жизни. Таким "теоретическим" резюме интервью завершается.

После проведения серии нарративных интервью исследователь приступает к обработке и интерпретации полученного материала. Поскольку все интервью обязательно записываются на аудиопленку, этапы сбора и обработки данных опосредуются процедурой транскрибирования (расшифровки) записей.

Анализ текстов нарративных интервью

Процедура анализа данных биографических нарративных интервью включает шесть этапов или шагов [2, с. 95–97].

Исходная предпосылка анализа состоит в том, что собственно нарративным (непосредственно повествующим о событиях) и ненарративным (содержащим аргументацию, описания, оценки и т. д.) фрагментам придается различное значение. Чисто нарративная структура повествования рассматривается как ситуационно независимая и конститутивная для самоидентичности рассказчика. Это разделение положено в основу процесса анализа.

1-й шаг: формальный анализ текста. Он заключается в удалении из первоначального текста всех ненарративных пассажей и фрагментов и разбивке "очищенного" текста на формально последовательные части. Под формальными частями подразумеваются куски цельного рассказа, в которых говорится о событиях, имевших свое начало, длившихся некоторое время и завершившихся.

2-й шаг: содержательное структурное описание самостоятельных, не пересекающихся во времени этапов жизненного пути. Выделяются высшие точки ситуаций, коллизий, драматические поворотные пункты или постепенные изменения. Результатом структурного описания являются суждения по поводу отдельных биографических этапов.

3-й шаг: "аналитическая абстракция". Результаты структурного описания (суждения по поводу отдельных этапов жизненного пути) отделяются от специфики и конкретики этих этапов, и на основании сравнения таких абстрагированных суждений вырабатывается общая для отдельной биографии "формула", в которой выражена доминирующая структура биографических процессов и жизненного опыта.

4-й шаг: "анализ знаний" (Wissensanalyse). К анализу привлекаются прежде отсеченные ненарративные фрагменты, содержащиеся как в самом повествовании, так и в заключительной "теоретической" фазе интервью. Эксплицируются и систематически анализируются выполняемые ими функции: ориентации, оправдания, вытеснения и т. д. Не зная событийного ряда, было бы невозможно определить значение, которое имеют те или иные высказывания, являющиеся продуктом "теоретической" деятельности индивида.

Все четыре упомянутые выше этапа анализа осуществляются внутри каждой отдельной биографии. Только с пятого шага интерпретации начинается сравнительный анализ различных биографий.

5-й шаг: сравнительный анализ с использованием стратегий "минимального" и "максимального" контраста. Согласно первой у разных индивидов прежде всего выделяются совпадения, сходства и соответствия структур биографических процессов. Стратегия максимального контраста нацелена на поиск тех общих характеристик, которые объединяют на очень абстрактном и чисто формальном уровне различные по содержанию биографические эпизоды. Реализация последней стратегии приводит к образованию (или расширению) системы категорий, описывающих базовые характеристики биографических процессов и структур. К числу этих категорий относятся, например: биографический проект, биографическая траектория,

трансформация биографической траектории, биографический потенциал и пр.

6-й шаг: построение теоретической модели. Она дает ответ на главный вопрос исследований, например о том, какие наиболее типичные биографические процессы характерны для людей, становящихся бездомными или пациентами психиатрических клиник.

Ввиду ограниченного объема статьи, мы не имеем возможности подробно остановиться на критике методологии нарративного интервью (см., например, [3,10,11]). Отметим лишь, что такую критику можно разделить на "внешнюю", в которой подвергаются сомнению сами предпосылки нарративного подхода, и на "внутреннюю", разделяющую исходные предпосылки, но нацеленную на частные аспекты использования стратегии биографического нарративного интервью, в том числе на такую интересную, на наш взгляд, проблему, как культурная (в широком смысле слова) обусловленность нарративной компетентности [2, с.102].

Примечания

¹ Мы считаем возможным употребить кальку с немецкого Zugzwang, поскольку в таком виде она существует и в русском языке. В шахматной терминологии цугцванг означает положение, в котором один из игроков вынужден сделать очередной (как правило, невыгодный для себя) ход.

Литература

1. Ван Дейк Т. Язык. Познание. Коммуникация. М.: Прогресс, 1989.
2. Bonsack R. Rekonstruktive Sozialforschung. Opladen, 1991.
3. Bude H. Der Sozialforscher als Narrationsanimateur // Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie. 1985. Jg.37. N 2.

4. Riemann G. Das Fremdwerden der eigenen Biographie. Narrative Interviews mit psychiatrischen Patienten. München, 1987.

5. Schütze F. Kollektive Verlaufskurve oder kollektiver Wandlungsprozeß - Dimensionen des Vergleichs von Kriegserfahrungen amerikanischer und deutscher Soldaten. Kassel, 1989.

6. Schütze F. Kognitive Figuren des autobiographischen Stegreiferzählens // Biographie und soziale Wirklichkeit. Stuttgart, 1984.

7. Kallmeyer W., Schütze F. Konversationsanalyse // Studium Linguistik. 1976. N 1.

8. Schütze F. Narrative Repräsentation kollektiver Schicksalbetreffenheit // Erzählforschung: Ein Symposium. Stuttgart, 1982.

9. Hermanns H. Narrative Interview // Handbuch Qualitative Sozialforschung. München, 1991.

10. Buchmann M., Gurny R. Wenn Subjektivität zu Subjektivismus wird... // Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie. 1984. Jg.36. N 4.

11. Matthes J. Zur Transkulturellen Relativität erzählanalytischer Verfahren in der empirischen Sozialforschung // Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie. 1985. Jg.37. N 2.